

Владимир Малыгин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М20

Серия «Попаданец»
Выпуск 180

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Малыгин, Владимир Владиславович

М20 Небо в кармане: роман / Владимир Малыгин. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград», 2024. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-168666-6

Сознание военного летчика после авиакатастрофы переносится в прошлое, в тело молодого дворянина. За окном весна, на дворе конец явно чужого девятнадцатого века, а он прикован к постели после неудачного падения с крыши дворовой постройки. Окружающая реальность подкидывает загадки одна удивительнее другой, с которыми ему предстоит разобраться. А еще тут до сих пор правит страной Александр III, потерявший сына в Японии.

Несмотря на предстоящее лечение и восстановление, о том, что делать дальше, вопрос не стоит. Если хоть раз сумел самостоятельно подняться в небо, то заболел этим на всю оставшуюся жизнь. Старую — потерянную, или новую — молодую, приобретенную. Осталось только подняться. Сначала на ноги, а потом и в небо. А там и до войны недалеко. До какой? А разве их мало? На Руси войн всегда хватало!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-168666-6

© Владимир Малыгин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Не вернувшись из полета
посвящается*

Пролог

Крепкий парень остановился на лестничной площадке между первым и вторым этажом загородной усадьбы, потянулся и довольно улыбнулся. Как хорошо, когда ничего не болит, а молодое здоровое тело просто-напросто требует движения. Как хорошо жить!

Лестница внизу оканчивалась погруженным в полумрак длинным холлом с чистыми мраморными полами. По обе стороны от двустворчатой входной двери солнечный свет пробивался через узкие высокие окошки, безуспешно пытаясь осветить просторное помещение. С трудом дотягиваясь до первых ступенек, свет отраженными от пола солнечными пятнами бликовал на закрытых дверях нескольких подсобных помещений.

Скользкий полированный мрамор прикрывала роскошная ковровая дорожка. Высокий арочный потолок легко удерживал тяжелую хрустальную люстру, по причине светлого времени суток отключенную от электрического питания.

Левое крыло огромного княжеского дома занимали большая кухня с кладовой для продуктов и просторная столовая. Еще есть гладильная с отдельным входом.

Николай прислушался — тихо в усадьбе, пока никого из прислуги поблизости нет, можно и юность бесшабашную припомнить, немного похулиганить. Из кухни доносится, правда, какое-то звяканье, но двери-то в холл закрыты. Кухарка делом занимается. А вот что там старей дядька делает, очень интересно. Его же голос доносится? Ишь, сказочник! А ведь до сей поры вроде никаких особых отношений с пышногрудой властительницей кухонной посуды и плиты замечено не было. Или он заблуждается на этот счет? Может, завтракают? Пустой желудок предательски забурчал, заставил поморщиться. Предатель, потерпи!

Все правое крыло усадьбы занимал огромный зал для проведения торжественных встреч и балов. Там сейчас безраздельно властвует тишина, а пустые пюпитры и тяжелые стулья с гнутыми спинками спрятались за закрытыми дверями и терпеливо ожидают оркестрантов. Десятка два точно таких же стульев, на которых так любят отдыхать после танцев дамы, сиротливо прижались к стене. Утреннее солнце легко заглядывает в помещение через большие окна, нежится на натертых паркетных полах, вихрит малочисленные частички пыли в золотистом круговороте вальсов и мазурок, чувствует себя легко и вольготно в этом пустом зале.

Хищно и предвкушающе усмехнулся, в три длинных прыжка преодолел широкий лестничный пролет, при каждом прыжке постепенно сдвигаясь к правой его стороне. Попадая таким образом на боковой обрез дорожки, где ничего не сможет помешать задуманному. Ага! Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Как это обычно и бывает,

весьма некстати в холле распахнулась одна из дверей. Закон подлости в действии!

Да ладно бы только распахнулась, но оттуда вышла горничная со стопкой выглаженного белья в руках. И повернула к лестнице...

Стопка была большой, и бедняжка просто не могла видеть стремительно спускающегося по лестнице господина.

Но услышала! Правда, когда уже поздно было отступить.

— Ой! — девушка резко притормозила и все-таки постаралась избежать столкновения, отшатнулась назад. Мягкие туфли скользнули, горничная взмахнула руками, еще раз испуганно ойкнула...

И, не удержав стопку белья на вытянутых руках, упала.

Княжич останавливаться не стал. Да и не смог бы никоим образом. Слишком большую набрал скорость. Но не растерялся, с налета ловко перепрыгнул через ворох рассыпавшегося на мраморе белья и заскользил со свистом на полусогнутых ногах по полированному камню. Искося глянул на распластанную на полу девицу — смотрит широко распахнутыми глазами испуганной серны и уже пытается подняться. Значит, все хорошо, не ушиблась.

Успел еще мельком полюбоваться стройными ножками и улыбнуться девахе. Извернулся в скольжении, подмигнул и... упустил время. Оттого и не успел вовремя перепрыгнуть на ковровую дорожку, притормозить и остановиться. Хорошо хоть руки успел перед собой выставить! Так и впечатался вытянутыми вперед руками во входную дверь, с силой толкая ее от себя.

Ба-бах!

Тяжелая наборная дверь лихо распахнулась, ударила ручкой по оштукатуренной каменной стене, отскочила от нее и собралась было снова закрыться, да княжич не дал, придержал рукой, оттолкнул бедром. Потирая ушибленную о дубовые доски ладонь, выскочил на крыльцо и зажмурился после сумрака холла. Солнце уже успело подняться над дальним лесом...

— Куда, оглашенный! А позавтракать? — где-то за спиной привычно беззлобно ругался Степан, мой дядька, и поспешал следом, стараясь не отстать. И когда только успел из кухни выскочить?

Потому и дверь пришлось придержать, чтобы его тяжелой створкой на выходе не прибило. Все-таки возраст у него уже того, к рубежу жизни подходит. Беречь искренне заботящегося обо мне человека нужно. Столько сил в меня вложил. И здоровья, что уж говорить...

Дядька протрусил мимо поднимающейся с пола и торопливо поправляющей платье горничной, укоризненно покачал головой. Ей или мне, я так и не понял. Да и не до того мне было.

— Ну? Чего ты так долго? — наконец-то отпустил дверь. Та с грохотом за ним захлопнулась. Заработал в свою сторону еще один укоризненный взгляд и не обратил на него никакого внимания. Пустое! Сколько раз отцу предлагал поменять пружину на более слабую, а? Уже и не упомяну, сколько. Так ведь нет, князь не желает, чтобы по дому гуляли сквозняки, а тепло в зимнюю пору свободно уходило из дома.

Замер на месте, стараясь унять нервную дрожь. Хорошо быть молодым и здоровым! Тело просто требовало двигательной активности.

Набрал прохладного утреннего воздуха в грудь, от души набрал, так что даже тесно и больно легким стало. Плавно выдохнул, степенно и неторопливо шагнул на первую ступеньку, счастливо рассмеялся и все-таки не удержался, лихо сбежал с крыльца на утопанный двор, крепкие дубовые плахи даже не скрипнули под ногами. С предпоследней ступени просто прыгнул, звучно притопнув подошвами мягких сапожек по утрамбованной земле. Земле, которая даже в затяжные дожди не раскисала. Лишь становилась скользкой, словно лед зимой. Впрочем, с этим давно научились бороться — были везде прокопаны небольшие дренажные канавки. Маленькие, неглубокие, в пядь где-то. По ним лишняя влага и уходила со двора. За зиму эти канавки, само собой, замывало, поэтому каждую весну их прокапывали вновь и потом весь год тщательно следили за их состоянием. Еще бы! Кому охота по грязи плавать? Да, а чтобы ноги не разъезжались, двор засыпали соломенной трухой. Так было не скользко.

Шагнул вперед, остановился на мгновение, жадным взглядом пожирая стоящий передо мною аппарат. Наконец-то я сделал это! Сколько бессонных ночей потратил, сколько нервов пережег, сколько денег... Денег, да-а... Много их ушло на эту мою причуду, спасибо мачехе с папенькой, поверившим в меня и поддержавшим мои начинания. «Причудой» не я ее называю, так по всей округе соседи шушукуются. Кто-то вполголоса за спиной, чтобы я не услышал, а кто-то и в полный голос.

Но все равно так, чтобы я не услышал. А то ведь можно и огрести! Были уже прецеденты...

Здесь уже можно унюхать запахи лака, резины, металла и бензина. Да не запахи, а для увлеченного творческим и любимым делом человека правильнее будет сказать — ароматы. Понимающий человек в этом утверждении меня полностью поддержит.

Втянул в себя эти ароматы, красота! Даже зажмурился от удовольствия.

Чуть в стороне толпилась любопытная прислуга. Стоят как раз под кухонными окнами. А над ними в открытом окне та самая повариха, как картинка, нарисовалась. Лицо круглое, от жаркой плиты щеки красные, брови темные вразлет, русые волосы под платок убраны, глаза голубые, как небо чистое. Повезло нам с искусницей! Готовит просто великолепно. Все хорошо, а женщину жалко. Вдова она уже второй год. Муж как раз на японской погиб. Так что, может, и ничего, что дядька на кухне стал чаще пропадать? Да и не такой уж он и старый. Это мне по молодости лет так кажется. Молодости свойственно ошибаться и преувеличивать...

Изредка из толпы доносились обрывки разговоров мужиков, охи и ахи баб, осторожные вопросы ребятни. Всем было любопытно. Еще бы, последние полгода я каждый день пропадал в огромном каретном сарае, специально отстроенном ударными темпами именно для этой цели. Прежний, что до сей поры исправно служил семье, оказался слишком мал размерами для новой барской причуды.

И не только новый каретный сарай был построен; из города то и дело везли какие-то замысловатые железки, рулоны тканей, вонючую, как барин

говорил, резину. Один из хозяйских автомобилей, страшно сказать, разобрали на детали!

А еще во-о-он там, за садом, чуть раньше каретного сарая, барин повелел поставить лабораторию. Чудное слово! С первого раза никто из нанятой прислуги не смог правильно выговорить. И со второго тоже. А вот с двадцатого, да. Так и научились новым словам и при случае козыряли перед деревенскими неучами своей грамотностью, новыми знаниями и кичились приобщенностью к хозяйским странностям.

Из-за дома вальяжно вырулил петух, огляделся на предмет опасности. Наклонил набок голову, потряхнул роскошным малиновым гребнем, захлопал крыльями и закукарекал, подзывая к себе гарем. В который уже раз умудрился выбраться из птичьего двора, разбойник.

Пестрой толпой вынеслись куры, забегали вокруг своего хозяина, закудахтали восторженно, не обращая никакого внимания на собравшуюся перед парадным входом толпу. Петух же захлопал крыльями, забормотал что-то на своем курином языке, собирая кур в кучу вокруг себя. Опасался, похоже, за свой гарем, чертяка! Важно загреб когтистой лапой сухой грунт и отошел в сторону. Куры тотчас же принялись рыть землю в этом месте. Зря, конечно. Здесь не то, что червяков, зернышек давно нет. Это вокруг кормушки рыть нужно.

Тут же кто-то из мужиков-подсобников метнул в злостных нарушителей торжественного момента метлу, отгоняя куриное семейство прочь. Само собой, метла далеко не полетела, но куриную стайку все-таки прогнала прочь. Куры как прибежали скопом, так скопом и умчались за угол дома. Лишь

петух удалился не спеша, постоянно оборачиваясь и вроде бы как запоминая обидчиков. Напоследок еще раз кукарекнул, взмахнул крыльями и скрылся за углом.

Ох, как заругались на кинувшего женщины, загомонили и тут же разом замолкли. Застыли. Как обрезало. Шикнул кто-то. Управляющий, похоже, к порядку привел.

Тишина на дворе хозяйской усадьбы наступила такая, какая бывает именно что ранним летним утром в деревне. Когда стадо уже ушло на выпас, когда гусей выгнали на озеро, а мужики уехали на сенокос. И наступила редкая по летней горячей поре минута затишья. Сейчас бабы выйдут из своих домишек, и закипит работа. А пока тишь да гладь, да божья благодать.

Здесь же и сейчас без дела осталась лишь нанятая для обеспечения хозяйства прислуга и бестолковое куриное племя где-то за домом. А что куры? Говорю же, бестолковая птица. За нее даже в той моей жизни никого не штрафовали, если мало ли где на дороге под колеса попадет.

Но вку-у-сная, этого не отнять. А уж какой из нее суп с лапшой наша повариха готовит, не рассказать! Прозрачный бульон с желтенькими кружочками жирка на поверхности, белая лапшичка, картошечка и морковка кубиками... Сверху укропчик для аромата... Да с белым хлебом с хрустящей корочкой... Вспомнил и слюной захлебнулся. В который уж раз скандалист-желудок забурчал, забормотал, явно снова уговаривает на кухню вернуться. Ни за что! Все потом.

Ах да, сверху и чуть в стороне, как раз над полем, жаворонок поет. Значит, все хорошо будет.

Приглушенный петушиный крик за домом (никак не уймется, зараза) заставил прийти в себя и зашагать вперед, к стоящим у аппарата плотнику с кузнецом. Мои первейшие помощники во всех моих начинаниях. Повезло, что сумел найти таких толковых и из города сманить. Заинтересовал новшествами. Что бы я без них делал?

Оба принарядились ради такого случая в новые косоворотки. Синенькие такие, сатиновые, простенькие. Поверх жилетки. На головы парадные картузы напялили, ноги в сапоги, сразу видно, что необмятые обули. Встречают торжественно!

— Вот, твое сиятельство, выкатили аппарат. С утрачка пораньше, как ты и распорядился вчерась. — Плотник ласково погладил кончиками пальцев обтянутую полотном кромку крыла. — И на лугу роса уже как раз успела высохнуть.

Кивнул в ответ, на большее от избытка чувств не хватило. Улыбнулся, получил в ответ широкую от уха до уха шальную улыбку. Похоже, плотник до сей поры сам себе не верил, что у него такое чудо сотвориться может. На друга своего оглянулся, тот степенно вперед и шагнул. Встал рядом, огладил свою вечно подпаленную и оттого короткую бороду, поклонился чинно:

— Принимай аппарат, Николай Дмитриевич! — теперь уже и кузнец в свой черед улыбнулся.

— Никак успел узел за ночь доделать, Прокопыч? — пришлось ответить, а сам не удержался от соблазна, вслед за плотником по лакированной липовой законцовке крыла ладошкой провел.

Протарабанил, пробежался так же легонечко самыми кончиками пальцев по обшивке, и туго натянутая ткань, пропитанная на два слоя моим само-

дельным эмалитом, тут же отзывчиво благодарно загудела барабаном.

— Пришлось по новой кронштейны крепления рессоры переваривать и калить. Не за ночь, конечно, но уж до полуночи точно успел с ними закончить. Сразу собирать не стал, сам понимаешь. Утром уже собрали, с подмастерьями. А ведь хорошо получилось, сам посмотри!

Наклонился, осмотрел переделанное крепление колес, попутно попинал ногой тугую крышку. Зачем? Положено потому что. Или, если уж совсем по-честному, захотелось так.

Удар с колеса передался на дугу рессоры, с нее перекочевал на корпус и плоскости. Крыло тут же отозвалось глухим гулом. Возмущается! Ладно, больше не буду. Пошатал рукой подкос, напрягся, толкнул, и аппарат легко стронулся с места, прокатился немного вперед, сантиметров тридцать, не больше. Но больше и не нужно. Проверил, как переделанное шасси работает, и достаточно.

— А ведь легко идет! — оглянулся на кузнеца с плотником. Собравшаяся во дворе толпа колыхнулась и подошла ближе, стараясь не упустить ни одного нашего слова. Оглянулся. Стоят, опасаются, но очень уж им интересно, что за диво такое у нас получилось. Шей вытянули, прислушиваются к разговору. Уже к вечеру новость о сегодняшнем испытании разнесется по всей округе.

— Ну что? Убираем плетень? — от нетерпения плотник аж приплясывает на месте.

— Плетень... — задрал голову, осмотрел голубое без единого облачка небо. С погодой сегодня повезло, даже ветра нет. В этот момент еще раз проголосил свою победную песню петух. Это точно

к добру! Улыбнулся и решительно махнул рукой. — Убираем! И выкатываем его вперед, на поле.

— А мотор? — не понимает гений стамески и рубанка. — Мотор тоже запустим?

— И мотор запустим. — улыбнулся в ответ. Обратил уже внимание на две явно пустые жестянки из-под бензина рядом с колесом. — Гляжу, заправили уже?

— И заправили, и масло проверили, и уровень воды в радиаторе пальцем пощупали! — с гордым видом тут же доложил Федотыч.

Плотник мало, что мужик в возрасте, но от радости и еле сдерживаемого нетерпения едва ли на месте не пританцовывает, чуть ли дитем не прыгает. Он же не только назначенную работу делал, он душу в этот аппарат вкладывал. Вот и горит в предвкушении испытания. Да они тут с кузнецом на пару оба такие, единомышленники увлеченные.

Повезло мне с этими мастерами. Ладно, квалификация у них высокая, но ума и опыта у этих двоих на добрый десяток простых работяг хватит. Один, как Левша, блоху подковать сможет (если его, само собой, грамотно озадачить и мотивировать), второй с деревом как с воском работает. Любую финтифлюшку вырежет, как вылепит. Что интересно, на глазок. А точность будет заданная! Гений, говорю же.

Ответственный момент наступает. Можно сказать, исторический. Понимаю, сам с трудом удерживаюсь, так и хочется аппарат помочь выкатывать. Но нельзя. Мое дело руководить!

Пока Федотыч передавал мой приказ управляющему, кузнец взмахом руки подозвал к себе своих двух помощников: